

**Святая Алина,
дева и мученица из Дильбека и Форета
(+640)**

Во времена папы Римского Северина и королей франкских Зигиберта II и Хлодвиг II, в первые годы седьмого века в семье благородных и влиятельных родителей родилась девочка – будущая святая Алина. Её отец по имени Левольд (Levolde) был владельцем Дильбека (Dilbeek), что в Брабанте, мать её звали Хильдегарда (Hildegarde). Как и большинство жителей своей страны, они были идолопоклонниками, и были очень привязанными к своим неверным божествам. Однажды, когда Левольд, как обычно, пошел на охоту, он встретил на берегах Сены (Senne) христианина, познавшего недавно Евангельские наставления и обратившегося ко Господу нашему Иисусу Христу. Между ними тотчас завязался разговор, о новом учении, которое недавно появилось в Брабанте, и оба с равным усердием взялись защищать свою веру. Обсуждение затянулось, и христианин, чтобы его закончить с несмненным успехом, предложил сеньору Дильбека воспользоваться его гостеприимством. «Завтра», - сказал он: «когда будут преподаны священные тайны, Вы

сами увидите, сколь хорош Бог христиан, и сколько счастливы те, кто уповает на него ". Это предложение заинтересовало Левольда: из тайного любопытства он принял его и направился в Форест (Forest), где ему были возданы почести сообразно его положению. Дом, в котором жил пылкий неопит и который впоследствии был преобразован в церковь святого Аманд (Amand), завершался маленькой часовней, в которой священник, который служил Богу с большим почтением, иногда приносил Богу безкровную жертву. Там собралась обратившаяся ко Господу семья совместно с несколькими верными из прилежащих селений, чтобы присутствовать на общей молитве, на исповедании Веры и на участии в Святых Тайнах, возобновляя таким образом, в лесах Бельгии, трогательные сцены, которые совершала церковь в катакомбах Рима или в пустынях Фивейских. Священник на рассвете принёс божественное жертвоприношение, в присутствии Левольда, который внимательно рассматривал всё то, что происходило под глазами, и слушал все слова, которые произносили

собравшиеся. Что за горячие пожелания и пылкие молитвы поднимались тогда в Небо ради его обращения! Но час милости ещё не пришел. Он был упорно привязан к своим идолам, он презирал в своем сердце закон Иисуса Христа, и с этими чувствами он возвратился в свой замок. Там, он рассказал своей супруге и Алине, своей дочери, о всём том, что стало ему известно, и понося Бога христиан, он клялся, что его боги больше и мощнее.

Сколь восхитительны пути Господни, какие средства известны Ему для просвещения Своих избранников! Эти слова, которые были бы должны, как это кажется, утверждать в ошибке две души идолопоклонников, стали основой для обращения Алины, которая позднее, пролив свою кровь, обрящет веру и для своих родителей. На самом деле, с этого момента благодать начала почивать на этой невиновной девушке. Не умея объяснить то, что происходило в её сердце, она испытывала живое желание видеть христианина, о котором говорил ей её отец и у которого он был гостеприимно принят. Что-то торопило её попытаться узнать тот закон христиан, который презирал её отец и к которому он испытывал отвращение. Для этого

надо было воспользоваться адресом и действовать в самой глубокой тайне, так как, с одной стороны, Алина опасалась гнева Левольда, который наверняка стал бы противиться её намерению. С другой стороны, она опасалась, что охрана замка её не выпустит. Забыв, таким образом, о естественной застенчивости, присущей её полу, и об опасностях ночного бегства, она отправилась напрямую, через лесные поросли и заросли и прибыла в Форест, не встретив никого на своем бегу. Она прибежала туда, где её ожидала благодать. В её прямом и простом сердце, где правда не находила никаких препятствий, торжествовала лёгкость. С каким жаром Алина молилась в этой скромной и уединённой молельне, где Бог начал открывать себя ей! Какие благочестивые желания выражала она для спасения своего отца и своей матери! Какая любовь ко Господу зажглась в её сердце, когда она взирала на ту бесценную милость, которую Он ей представил! В это время святой Аманд (Amand), как его изображают в очень-древних жизнеописаниях святых, наставил в вере набожную деву и с утешением её крестил: не представляется возможным то, что она ещё долгое время приходила в это место, покуда об этом не узнал

её отец.

На самом деле, Левольду сообщили о частых визитах в христианскую семью в Форесте, которые совершала его дочь. Он проявил всю грубость своего характера; и когда его фанатическая приверженность к идолопоклонничеству сделала его еще более сердитым, он тотчас же отдал своим военным самые строгие приказы. Каковы же были эти приказы? Каким образом они были выполнены? Какие мрачные инциденты указывали на то трагическое событие, которое произошло потом? В рассказах автора не имеется достаточных гарантий достоверности, чтобы вникнуть тут все эти детали. Ограничимся лишь тем, что, согласно преданию, Алина умерла либо в борьбе против людей, которые хотели ее схватить, либо в руках кровожадных министров раздраженного отца.

Чистая кровь, пролитая ради Иисуса Христа, никогда не бывает бесплодной. Чувственными свидетельствами Господь даёт понять, сколь приятна ему эта жертва жизнью, которую ему приносят его верные слуги. Вскоре это стало известно и в Форесте, где было похоронено тело юной девы. Многочисленные исцеления, которые там происходили, наделали много шума в тех краях. Скромный алтарь вскоре стало

посещать множество лиц, которые приходили просить помощи Божией на могиле мученицы. По преданию, в ту пору в стране правил человек по имени Осмонд (Osmonde), известный и богатый, но слепой и немощный. Как-то он отправился к Левольду и сказал ему следующее: «Так как больные направляются толпами к могиле Алины и по её страданиям и молитвам они находят там выздоровление, то я собираюсь идти туда сам в надежде вернуть своё зрение». «До сих пор», - ответил Левольд: «я смотрел как на басни на всё то, что мне сообщали, но если ты возвратишься исцелённым, то я оставляю моих богов и приму закон христиан». Осмонд, удовлетворенный этим обещанием, попросил отвести себя к часовне, где было похоронено тело Алины, и попросил Господа исцелить его заслугами юной девы и вернуть ему зрение. Так и случилось. Влекомый радостью, он возвратился к Левольду, который отрекся в тот же момент от почитания идолов и побежал, обливаясь слезами, к могиле своей дочери, признавая публично, что он был сам автором её смерти. Тотчас же он попросил проповедовать ему правду Евангелия, принял Крещение, изменил свое имя на имя Гарольд (Harold) и имел утешение видеть, как его супруга разделила с ним его Веру и его счастье. Оба

начали вести новую жизнь и ревностно являли христианские добродетели до дня своей кончины. Их похоронили в Дильбеке, в церкви Святого Амвросия, которую построили они сами.

Во время революции 1793 года, когда республиканские войска проникали в Бельгию, монахини из Фореста уехали в Германию, забрав с собой тело своей святой покровительницы. Они об этом сообщили после ужасных дней, и церковная власть это торжественно признала в 1823.

Ещё сегодня можно видеть маленькую часовню, воздвигнутую на могиле святой Алины; она была включена в церковь, построенную в 1482 году. Эта могила покрыта камнем черного мрамора и установлена на аркадах из того же материала. Праздник покровительницы отмечают в воскресенье перед Святым Иоанном; в этот день можно видеть, как в Форест, притекает множество жителей Брюсселя и соседних мест, которые приходят поклоняться мощам их покровительницы и молить её о защите перед Богом.